

This article is devoted to issues of belief and knowledge, science and religion in Islamic Outlook. The article presents the analyses of this problem from the points of view of various directions of Islamic idea, such as mutazilism, ismailism, sufism, ashariism, etc. The author analyzes the meaning of the word 'knowledge' in the Koran and in hadises of prophet, and also studies problems of belief, reason and knowledge in Arabic and Muslim philosophy – al-falsafa.

УДК 94 (100) «1914 / 1917»

Кадол А.Н., Ленская В.В.

НЕМЕЦКИЕ ПОГРОМЫ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В начале XX в. межэтнические отношения в Российской империи зашли в тупик, выход из которого был возможен лишь с позиции силы. В тугой узел завязался целый ряд национальных проблем, которые подробно ржавчине разъедали государство изнутри. У царской власти сложилась неустойчивая национальная политика по отношению к российским немцам. Она ситуативно менялась в зависимости от политической конъюнктуры и достигла своего негативного апогея в годы Первой мировой войны. Помимо прочих составляющих, это было связано с военными и дипломатическими неудачами России и поиском псевдоответа на извечный российский вопрос: «Кто виноват?» Назревший в обществе духовный кризис, трансформировавшийся в милитаризацию сознания и массовую агрессию населения, привел к активизации крайних форм национализма и формированию образа врага в лице немецкого населения Российской империи. Дискриминационная политика преследовала несколько целей:

- подорвать общественное влияние и экономические позиции российских немцев путём принудительной продажи и экспроприации немецкой собственности;
- усилить влияние государства на немцев-инородцев с последующей задачей их русификации;
- мобилизовать общественные ресурсы национализма с идейной целью вдохновить народные массы на ведение войны.

Исходя из обозначенной актуализации, авторы ставят целью проанализировать властную политику немецких погромов как составляющую часть внутренней политики насилия по этническому признаку в отношении российских немцев.

Россия встретила провозглашение «Великой» войны в 1914 г. взрывом патриотической солидарности общества. Одним из радикальных проявлений патриотизма военного времени, имевшего ярко выраженный шовинистический характер, было антинемецкое погромное движение. Это нашло своё выражение в экстремизме населения по отношению к российским немцам, а также в проявлении народного недовольства по отношению к германским гражданам, находившимся в России в качестве коммерсантов, предпринимателей, дипломатов, инженеров и т.д.

Погромные тенденции прослеживаются уже в период мобилизации. Поводом, озлобившим крестьян-призывников, послужили различные слухи, например, о вводе бы имевшим место приказе царя громить имения немцев, о подкупах немцами членов волостного правления и т. д. [12, с. 197]. Вскоре произошёл разгром германского посольства в Санкт-Петербурге при полном попустительстве властей [13, с. 3–4]. Спустя год удалось установить, что власть имела все возможности предотвратить или хотя бы своевременно прекратить начавшийся погром посольства [1, с. 88]. От разгрома германского посольства в столице перешли к погрому торговых лавок уже в Москве в октябре 1914 г. Под влиянием известий об отступлении кайзеровской армии от Варшавы в городе устроили молебны, после чего члены общества «За Россию» били стёкла магазинов, портили вывески и товары, где значились немецкие фамилии [2].

К концу 1914 – началу 1915 г. в рабочей среде усилились настроения протеста против «внутреннего немца», охватившие Центральный промышленный район страны, Украину и сам Петроград. Объяснение этому следующее: придирчивое отношение к рабочим и

непатриотичное поведение со стороны представителей фабричной администрации из числа немцев на фоне общих социально-экономических трудностей [9, с. 434]. Происходили стачки, в которых единственным требованием рабочих было удалить немцев с промышленных объектов. Наибольшей остроты эти настроения достигли в мае – августе 1915 г. в связи с репрессивной политикой московских властей. В это время общество жило под постоянной угрозой погромов в крупных промышленных городах, которые сами власти квалифицировали как беспорядки и смуту. В Харькове, Киеве, Екатеринославской губернии и ряде других регионов циркулировали провокационные слухи погромного содержания [8, с. 142–143].

Следующий страшный антинемецкий погром произошёл в Москве в конце мая 1915 г. [14, с. 127–132; 4, с. 85–87]. Источником напряжённости в правительственном лагере и общественных кругах были разногласия о необходимости продолжения войны с Германией. К «партии войны» принадлежал князь Ф. Ф. Юсупов, который, организуя погром, мог смело рассчитывать, что последняя возможность для германфилов заключить сепаратный мир будет сорвана и что русским не останется ничего более, как продолжать войну до последнего солдата [10, с. 119, 120]. «Немецкая наглость, – вспоминал Ф. Ф. Юсупов-младший, – не знала границ. Немецкие фамилии носили и в армии, и при дворе. Правда, многие высшие сановники и военачальники были балтийских корней и ничего общего с неприятелем не имели, но народ о том не задумывался. Иные люди и впрямь верили, что государь по доброту душевной взял к себе на службу пленных немцев-генералов. Да и образованные всерьёз удивлялись, почему это на государственных постах всё лица с нерусскими фамилиями» [18, с. 164].

Меры нового руководителя столицы сводились к массовой высылке немецкого населения, что находило своё одобрение и в либеральных кругах [15, с. 558]. Но беспорядки не были неожиданностью для жандармских властей. В апреле 1915 г. начальник Московского охранного отделения полковник А. П. Мартынов пытался предотвратить погром. «Так называемая желтая пресса в Москве, – констатировал он, – подогреваемая дурно понимаемым патриотизмом обывателя, стала указывать «на немецкое засилье». ... Погромные настроения висели в воздухе; возможность погрома при любом уличном скоплении толпы чувствовали все, а не одни власть имущие» [11, с. 361, 362].

И под видом спасения Отечества благодатная почва ксенофобии дала результаты. «Во второе лето Великой европейской войны, – отмечалось в расследовании министерства внутренних дел в конце мая 1915 года, – в первопрестольной столице ... произошёл грандиозный погром. Били немцев» [14, с. 127]. Погромщики не делали никаких различий между разными категориями немецкого населения (эльзасцы или пруссаки, германские или русские подданные). Все подданства и все национальности объединялись одним словом – немец. Царское руководство совершенно игнорировало тот факт, что война была объявлена Германии, заручившись поддержкой, а не немцам, российскому населению. «Так же не уяснили себе этого, – утверждал Н. Харламов, – ни... генерал-адъютант князь Юсупов, ни редакторы «Нового» и «Вечернего времени». Чего же было ожидать от московского мастерового, разгромившего в достопамятные май-

Кадол А.Н., кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Криворожского национального университета, г. Кривой Рог, Украина
Ленская В.В., кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории Криворожского национального университета, г. Кривой Рог, Украина.

ские дни 1915 года свою первопрестольную?» [14, с. 102].

Межэтнические отношения резко обострились не только в сельских местностях, но и в городской среде. Наличие этих фактов было усугублено доносительством на немцев. В большинстве случаев подобные обвинения были основаны на анонимных доносах, использовании непроверенных данных, реже – на сведениях контрразведки. Например, имели место случаи, когда российским немцам инкриминировался «тайный преступный сговор» с целью диверсии и подрыва хозяйства страны. Ярким доказательством последнего служит полицейский циркуляр, в котором высказывались опасения возможных актов диверсий. «Германцы, – указывается в документе, – с целью подрывать благосостояние крестьянского населения России, намереваются...произвести в различных местностях Империи посредством особых машин выжигание хлебов на корню...в выполнении такого плана принимают участие также немцы, числящиеся в русском подданстве, и привлечённые к этому делу путём подкупа евреи» [6, с. 280]. Чем же руководствовались жандармско-полицейские власти? Как пояснил К. К. Звонарев, один из теоретиков контрразведки, «если не все колонисты, то часть их так или иначе являлись информаторами германской разведки, целой правильно организованной армией агентов, занимавших в России места управляющих, лесничих, надсмотрщиков, учителей, приказчиков, самостоятельных промышленников, торговцев и даже мастеровых и чернорабочих» [7, с. 41].

Война сопровождалась множеством ложных доносов. Власти сами фактически провоцировали развитие всеобщей шпиономании. Так, генерал-губернатор Юго-Западного края установил систему полицейского надзора. Посредством доносов люди сводили между собой старые счёты. Доносили на немцев-колонистов, чиновников с немецкими фамилиями, их знакомых и родственников. Обилие доносов, в сочетании с отсутствием реальной пользы от их проверки для борьбы со шпионажем, создало благоприятную среду для возникновения жандармских мистификаций. Зачастую инициативу властей в прифронтовой зоне активно поддерживало местное население, ведя поиски баз немецких аэропланов, радиопередатчиков и всего того, что сопутствовало развитию шпионских мистификаций. Так, осенью 1915 г. в органы осведомления поступило сообщение, что в округе с. Казанки (Херсонская губерния) наблюдались «по направлению к разбросанным вблизи немецким колониям искры напоминающие искры радиотелеграфа» [17, л. 81 об.]. Но самым поразительным в этой истории были выводы представителей власти: «разведка не дала точных следов радиотелеграфа станции, но весьма возможно, что таковые скрываются где-нибудь в колониях прилегающих к району Херсонского уезда» [17, л. 81 об.]. Командующий корпусом жандармов генерал В. Ф. Джунковский пояснил подобные выводы стремлением многих офицеров «создавать сенсационные дела» при этом чины жандармского корпуса «с непростительным легкомыслием» относились к источникам информации. Особенно большое количество дел по проверке политической благонадёжности возбуждалось «в тех местностях империи, – отмечал В. Ф. Джунковский, – в которых различные народности, их населяющие, издавна находясь в неприязненных отношениях» [5, с. 400].

Колонисты подвергались наибольшему прессингу. Так католический священник И. П. Малиновский и лютеранский пастор И. Л. Юндт (колония Федотовка) были обвинены в «германофильстве», что выражалось в использовании немецкого языка в богослужении. Их деятельность была признана «вредной для России». Жандармский документ гласит: «Благодаря деятельности пастора Юндта и священника Малиновского почти всё население колонии Высокопольской (Кронауской) волости относится враждебно к России, русскому правительству и русскому народу» [16, л. 48]. Определяющим был не столько язык, сколько земельный вопрос. Ибо оба обвиняемых чётко выступили против ликвидационных законов, ограничивающих немецкое землевладение и землепользование. «Пусть попробуют отобрать у нас земли, мы им здесь устроим такую войну, которая будет ещё лучше, чем та, которая ведётся на границе...» [16, л. 48]. Безусловно, что непопулярность по отношению к властям каралась согласно законам военного времени – высылкой.

Всё чаще под немецкими колониями стали подразумевать шпионскую сеть Германии, созданную на деньги германских банков ещё задолго до войны. Здесь всё подвергалось сомнению: система рас-

селения немцев вблизи железных дорог, приверженность языковой и этнической культуре; общественные организации немцев; германский патриотизм русских немцев; причастность колонистов к шпионажу; связь с Германией. Одним из прямых следствий санкционированной властями антинемецкой кампании стало распространение погромного движения. Погромы были не только в Москве и Петербурге, они имели место и в губерниях. Так, в конце августа 1915 г. органы государственного осведомления информировали власти о ситуации, сложившейся в регионах компактного размещения немецких колоний в Ананьевском и Тираспольском уездах Херсонской губернии: «Общество и население очень интересуется заседаниями Государственной Думы, лишь в той их части, которая относится к обстоятельствам текущей войны, без различия партийности недовольны деятельностью Государственной Думы, – характеризуя её как, – «многословие, малодетельность» в вопросе Государственной обороны и в нерешительных действиях против немцев вообще» [17, л. 64]. При этом население начинает сомневаться в «окончательной ликвидации немецкого вопроса» законными путями, обвиняя власти в «общем проникновении в государственную жизнь немцев» [17, л. 65]. На первый план выдвинулись антидинастические настроения солдат и крестьян в связи с общеполитическим кризисом в стране. Среди населения Юга России был распространён слух, что «Царь з жінкою і панями продав нас німцєві» [17, л. 71 об.].

Вот, например, какие сведения получены по Елизаветградскому уезду за июнь 1915 г.: «Настроение крестьян против немцев, владеющих землёй растёт. Крестьяне решили с окончанием войны самим разделаться с немцами, разорить их усадьбы и заставить уйти» [17, л. 49 об.]. Слова не остались пустыми угрозами, и погромы вскоре произошли в районе Щербаковской и Вознесенской волостей, когда солдаты-новобранцы занимались вымогательством в немецких колониях, а тех, кто отказывался платить, – громили [17, л. 49 об.]. Следующим шагом должна была стать «Варфоломеевская ночь» в Александрии на почве недовольства крестьян «немецким засильем», евреями и помещиками [17, л. 81]. По сообщению министра внутренних дел Н. Б. Щербатова, летом 1915 г. участились случаи физического насилия над немцами и евреями по всей стране [3, с. 39].

В сложившейся ситуации народ пошёл по пути погромов, которые произошли везде, где компактно проживало немецкое население – Москве, Киеве, Екатеринославе, Саратове. Синхронность погромов – это закономерный результат антинемецкой кампании в прессе, шовинистической истерии «верхов» российского общества. Близорукая политика царского правительства в отношении немцев способствовала подрыву авторитета института частной собственности, национальной протекции, формированию тектонических общественных процессов, которые, в конечном счёте, привели к социальному взрыву и краху власти тех, кто её формировал и санкционировал.

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Государственная Дума. Фракция народной свободы: «Военные» сессии 26 июля 1914 – 3 сентября 1915 г. [Текст] – Пгр.: Тип. Т-ва «Екатерингофское печатное дело», 1916.
2. Гоштовт, Г. А. Кирасиры Его Величества в Великую войну. 1915 / [Текст] / Г.А. Гоштовт – Париж, 1942 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://militera.lib.ru/h/goshtovt_ga01/index.html; Фомин С. Уничтожение котелков [Текст] / С. Фомин. – Звенигород, 26 мая 2005 г. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ruskline.ru/monitoring_smi/2005/05/27/unichtozhenie_kotelkov
3. Дейли, Дж. Пресса и государство в России (1906–1917 гг.) [Текст] / Дж. Дейли // Вопросы истории. – 2001. – № 10. – С. 25–46.
4. Дённингхаус, В. Между патриотизмом и радикализмом: борьба с «немецким засильем» в Москве в период Первой мировой войны [Текст] / В. Дённингхаус // Вопросы германской истории: сб. науч. тр. – Днепрпетровск: изд. ДНУ, 2003. – С. 85–107.
5. Джунковский, В. Ф. Воспоминания [Текст] / В. Ф. Джунковский / Под общ. ред. А.Л. Паниной: В 2-х т. – М.: Изд. Сабашниковых, 1997. – Т. 1. – 736 с.
6. Документы о преследовании евреев № [613] [Текст] // Архив Русской Революции / Изд. И.В. Гессеном. – М.: ТЕРРА, 1993. – Т. 19. – С. 245–284.

7. Звонарёв, К. К. Агентурная разведка: Германская агентурная разведка до и во время войны 1914–1918 гг. [Текст] / К. К. Звонарёв. – М.: БДЦ-пресс, 2003. – Кн. 2. – 224 с.
8. Кирьянов, Ю.И. «Майские беспорядки» 1915 г. в Москве [Текст] / Ю. И. Кирьянов // Вопросы истории. – 1994. – № 12. – С. 137–150.
9. Кирьянов Ю.И. Рабочие России и война: новые подходы к анализу проблемы [Текст] / Ю. И. Кирьянов // Первая мировая война: Пролог XX века. – М.: Наука, 1999. – С. 432–446.
10. Меницкий, И. Рабочее движение и социал-демократическое подполье Москвы в военные годы (1914–1917 гг.) [Текст] / И. Меницкий – М.: Гос. соц. – эк. изд., 1923. – 212 с.
11. «Охранка»: Воспоминания руководителей охранных отделений [Текст] / Вступ. статья, подгот. текста и коммент. З. И. Перегудовой. Т. 1. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. – 512 с.
12. Поршнева, О. С. Российский крестьянин в Первой мировой войне (1914 – февраль 1917) [Текст] / О.С. Поршнева // Человек и война (Война как явление культуры): сборник статей / под ред. И. В. Наренго. – М.: АИРО-XX, 2001. – С. 190–215.
13. Сазонов – Николаю II: № 1. Докладная записка министра иностранных дел Николаю II (5 августа 23 июля 1914 г.) [Текст] // Международные отношения в эпоху империализма: Документы из архивов царского и временного правительств. 1878–1917 гг. Серия III. 1914–1917 гг. Т. VI. ч. 1. – М. – Л.: Гос. соц. – эк. изд., 1931–1940. – С. 3–4.
14. Харламов, Н. Избиение в Первопрестольной: Немецкий погром в Москве в мае 1915 года [Текст] / Н. Харламов // Родина. – 1993. – № 8/9. – С. 127–132.
15. Хин-Гольдовская, Р.М. Из дневников 1913–1917 гг. [Текст] / Р. М. Хин-Гольдовская / Пред. и публ. Е. Б. Коркиной. Примеч. А.И. Добнина // Минувшее. – М.–СПб., 1997. – Т. 21. – С. 558–561.
16. Центральный государственный исторический архив Украины (г. Киев). Далее ЦГИА Украины. – Ф. 349. – Оп. 1. – Д. 31А
17. ЦГИА Украины. – Ф. 349. – Оп. 1. – Д. 45
18. Юсупов, Ф. Мемуары в двух книгах. До изгнания. 1887–1919. В изгнании / пер. с франц. Е. Кассировой [Текст] / Ф. Юсупов – М.: Захаров, 2001. – 426 с.

Материал поступил в редакцию 17.11.14

KADOL A.N., LENSKA V.V. The German pogroms in Russian Empire during the World War I

The article discloses little-known pages of Russian history – the German pogroms during the World War I, which are considered as part of the anti-German campaign of tsarism.

УДК 94/99 (476. 6)

Карпович О.В.

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ В БРЕСТСКОМ, КОБРИНСКОМ И ПРУЖАНСКОМ УЕЗДАХ В ПЕРИОД ВОССТАНИЯ 1863–1864 ГОДОВ

Южные регионы (Брестский, Кобринский и Пружанский уезды) Гродненской губернии раньше всех остальных белорусских земель вступили в период вооруженной борьбы 1863–1964 гг. Именно через эти уезды прошел с боями зимой 1863 г. первый на территории современной Беларуси повстанческий отряд Романа Рогинского, который был разбит уже на территории Полесского региона в Минской губернии. В данной статье на основе ряда новых, в том числе и опубликованных, но уже достаточно редких источников, рассказывается о боях и столкновениях русских войск с повстанческими отрядами в период зимы-осени 1863 года на территории трех южных уездов Гродненской губернии.

События восстания 1863–1864 гг. в отдельно взятых регионах современной Беларуси в отечественной историографии до настоящего времени освещены довольно скупо. Если социальный состав участников восстания на территории Гродненской губернии уже становится предметом исследования отдельных историков (В.В. Швед, Э.С. Ярмусик), в том числе и автора данной статьи, то история непосредственно боевых действий остается практически неизученной в отечественной историографии. В 2009 г. профессор Гродненского государственного университета В.Н. Черепица предпринял попытку описать действия русских войск в южных уездах Гродненской губернии в период восстания, но самим боевым действиям в его статье уделено мало внимания. Сравнительную характеристику потерь в ряде столкновений (на основе воспоминаний повстанцев и русских офицеров) в период восстания приводит в своих работах доцент Белорусского государственного университета информатики и

радиоэлектроники А.Д. Гронский¹. Сотрудник исторического архива Беларуси Д.Ч. Матвейчик в своей монографии, вышедшей в 2013 году, приводит описание боевых действий на территории Беларуси в период восстания 1863–1864 гг., однако данная работа нуждается в корректировке и доработке².

В данном исследовании, с привлечением новых источников, анализируются сражения правительственных войск с повстанческими отрядами.

По состоянию на 1861 год, на всей территории Гродненской губернии стояло гарнизонами три полка 3-й пехотной дивизии и 9 батарей 1-й артиллерийской бригады – всего около 18 тысяч военнослужащих. Отдельно размещались Гродненский батальон внутренней стражи (в каждом уездном городе находилось по роте из этого батальона, кроме Бреста), этапные команды (сопровождение заключенных), полицейские и жандармские части – общей численностью до 5 тысяч человек. Таким образом, численность всех вооруженных частей правительственных войск можно определить приблизительно в 23 тысячи человек [3, ч. 1, с. 789–791]. С началом восстания ответственность за его подавление в Гродненской губернии была возложена на командира 2-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта З.С. Манюкина, а 1 августа 1863 года его сменил командир 3-й пехотной дивизии генерал-лейтенант И.С. Ганецкий. Непосредственно за южный регион Гродненской губернии отвечал Брестский отряд правительственных войск в составе отдельных рот Ревельского и Псковского пехотных полков, нескольких сотен 5-го Донского казачьего полка, 3-го стрелкового батальона и 5-й батареи 3-й артиллерийской бригады под общим командованием генерал-майора графа И.Г. Ностица, которого 1 марта 1863 года сменил генерал-майор А.Ф. Эггер. Численность Брестского отряда на 20 июня того же года достигала 3180 человек [14, с. 355–358].

Самым первым повстанческим соединением, появившимся на территории Гродненской губернии, как и современной Беларуси в целом, стал созданный по решению Варшавского Центрального Национального комитета (ЦНК) отряд 22-летнего дворянина Варшавской губернии Романа Рогинского. Навербовав на территории Подляского воеводства Польши около 3000 человек, Рогинский с

Карпович Олег Валерьевич, преподаватель Брестского государственного политехнического колледжа. Беларусь, 224000, г. Брест, ул. Карла Маркса, 49, e-mail: oleg3080@bk.ru

¹ Гронский А.Д. Подсчеты разные, итог один // Белорусская думка. – 2013. – № 6. – С. 57–61; Он же: Цифры против цифр // Белорусская думка. – 2014. – № 7. – С. 79–82.

² Матвейчик, Дз.Ч. Паўстанне 1863–1864 гадоў у Беларусі: нарыс баявых дзеянняў. – Мінск: Медысонт, 2013. – 121 с.